

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. А. Пашкеева. «Провинциальнейший русский адвокат» еврейского происхождения в зеркале своих воспоминаний: терапия памятью в эмиграции</i>	5
---	---

Воспоминания провинциального адвоката

Часть первая. Окончание университета и вступление в жизнь	28
Моя первая защита	34
Как я лишился «адвокатской невинности»	42
Как я стал женихом	60
1917–1921 год	68
Выезд из России в 1921 году, 1 июля. Как я очутился за границей	88
Часть вторая	132
К моему 72-летию	132
Дело В. И. Ковалева	133
Рахмил Фурман. Дела еврейские. «Еврейское счастье»	141
Борис Окман	153
Янкель Хик	162
Мариам Эйхенгольц	173
Яков Радионович Гоц	182
Мое знакомство с Федором Никифоровичем Плевако. Дело Александры Максименко и Резникова по обвинению в отравлении мужа первой	192
Павел Жуков	207
Обвинение в шулерстве (нечестная игра в карты)	216
Таганрогский коммерческий суд. Присяжные стряпчие	227
Случай по делу банкирского дома «Юнкер и К°»	235
Дело по иску по векселям с Варлама Сеферова	239
Случайная кассационная жалоба по делу Литовченко	245
Григорий Яковлевич Золотухин и его дела	251
Дело Волкова по обвинению в соучастии в убийстве и ограблении	282
Часть третья	296
Клиенты	297
Мелочи	446

Часть четвертая	492
Pro domo suo	493
Приложение 1. <i>Л. Ф. Волькенштейн</i> . А.П. Чехов. Воспоминания	504
Приложение 2. Письма и телеграммы	
<i>Л. Ф. Волькенштейн</i> А.П. Чехову	516
<i>П. Волькенштейн</i> . Послесловие	520
Комментарии	523
Аннотированный указатель имен	612

«ПРОВИНЦИАЛЬНЕЙШИЙ РУССКИЙ АДВОКАТ» ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СВОИХ ВОСПОМИНАНИЙ: ТЕРАПИЯ ПАМЯТЬЮ В ЭМИГРАЦИИ

Одним сентябрьским днем 1927 г. адвокат Лев Филиппович Волькенштейн (1857–1935), при рождении Ицко Лейб, сын Говшие Фалика Хаимовича из Бердичева, открыл линованную тетрадь небольшого формата, чтобы «кое-что записать» в ней — так, заметки о прожитой жизни без претензии на изысканную художественную форму. В тот день, 16 сентября 1927 г., ему исполнилось 70 лет — возраст, который казался ему тем рубежом, после которого следует завершение жизненного пути человека.

Уже шесть лет Л.Ф. Волькенштейн жил в вынужденной эмиграции во Франции. Летом 1921 г. без лишней огласки он вместе с супругой Софьей Ефремовной (1863–1940) навсегда покинул Ростов-на-Дону — город, в котором прожил более тридцати пяти лет. Ростов входил в состав области Войска Донского, где офицерами Русской императорской армии и атаманами казаков были сформированы первые военные части Белого движения, а именно Добровольческая, а затем Донская армия, в 1919 г. вошедшая в состав Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием А.И. Деникина. Зимой 1920 г. Ростов-на-Дону был окончательно занят отрядами Красной армии. Уцелевшие корпуса ВСЮР отступили и были эвакуированы.

Волькенштейн принял решение об эмиграции, наблюдая деградацию и исчезновение прежних институций, законов и норм и работу новых органов юстиции по принципу революционной законности. Решающим фактором стали слухи о расследовании, начатом против него Донской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией из-за того, что его сын Юрий (1892–1963) воевал на стороне Добровольческой армии. Юрий и его сестры Ольга (1887–1950),

Алиса (1890 — ?) и Евгения (1896–1950) уже покинули Россию. В июле 1921 г. Лев и Софья Волькенштейн переправились с помощью контрабандистов через реку Горынь, приток Припяти. По договору, подписанному в апреле 1920 г. между Польшей и Украинской народной республикой, эта река определяла границу, западнее которой начинались польские земли. Несколько месяцев Лев и Софья Волькенштейн провели в Лондоне у дочери Евгении и ее мужа, представителя крупной чайной торговли Ильи Высоцкого. В 1922 г. они переехали в Берлин, где на тот момент проживало немало выходцев из России¹. Советско-германский Раппальский договор 1922 г. восстановил дипломатические и торговые отношения между РСФСР и Веймарской республикой. Эмигранты и беженцы из бывшей Российской империи соседствовали в Берлине с советскими официальными представителями и торговыми агентами. В 1923 г. из-за экономического кризиса в Германии эмигранты стали переселяться дальше на Запад, в Чехословакию и во Францию². Супруги Волькенштейн обосновались под Парижем, в городе Нейи-сюр-Сен (Neuilly-sur-Seine). Во Францию также переехали их дети.

Л.Ф. Волькенштейн писал свои воспоминания на протяжении четырех лет. Четыре рукописные тетради воспоминаний составляют в общей сложности около 900 листов. В полном составе они публикуются впервые. В мае 1936 г., через год после смерти Волькенштейна, парижский журнал «Иллюстрированная Россия» напечатал небольшой отрывок из первой тетради о событиях периода с осени 1917 г. до осени 1918 г., когда Волькенштейн жил в Кисловодске и был председателем Кисловодской городской думы³. Волькенштейн был членом редакции. Двумя годами ранее в тематическом номере этого же журнала в память 30-летия со дня смерти А.П. Чехова были опубликованы воспоминания Волькенштейна о его контактах с Чеховым, о Таганрогской гимназии, где они учились в 1870-е гг., и о судьбах некоторых гимназистов⁴.

¹ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., 2004. С. 153.

² См.: Gousseff C. L'Éxil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939). Paris, 2008. P. 63–67.

³ Волькенштейн Л.Ф. В красном Кисловодске // Иллюстрированная Россия. 1936. № 21 (575). С. 6–8.

⁴ Он же. А.П. Чехов: воспоминания // Иллюстрированная Россия. 1934. № 28 (478). С. 1–6.

Мемуары Л. Ф. Волькенштейна — это дневник памяти, воспоминания о потрясших автора событиях революции 1917 г. и Гражданской войны. Вопреки заявлению об отсутствии претензий на литературность, автор работает над стилем, делает подчеркивания, чтобы акцентировать сказанное, или зачеркивает слова и целые фразы, иногда столь тщательно, что написанное невозможно разобрать и потому нельзя понять, почему фраза была вымарана. Память — его главный ключ к собственному прошлому. Документов, накопленных за годы адвокатской практики, у него под рукой не было. Личные архивы адвоката дважды погибли. Первый раз — в октябре 1905 г., во время еврейского погрома в Ростове-на-Дону, когда дом Волькенштейна, находившийся по адресу Старопочтовая улица (ныне Станиславского), 94, был разграблен и сожжен. Второй раз — в конце 1920 г., когда семья Волькенштейн была изгнана из своего дома поселившимися в нем сотрудниками Донской ЧК.

В первой тетради воспоминаний автор кратко обозначает канву истории своей семьи и чуть подробнее повествует о вхождении в профессию адвоката в статусе помощника присяжного поверенного в Ростове-на-Дону, где он поселился летом 1883 г. по окончании юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Однако большая часть первой тетради касается именно революции 1917 г. и Гражданской войны, которые привели к эмиграции. Главы второй и третьей тетрадей включают различные истории из адвокатской деятельности Л. Ф. Волькенштейна и жизни ростовского общества конца XIX и начала XX в. Не следуя строгой хронологической последовательности, автор вспоминает о судебных процессах по гражданским и уголовным делам, в которых он выступал адвокатом, а также о деятелях судебной системы и адвокатуры, торговли, промышленности, банковской и финансовой сфер и муниципального управления Ростова-на-Дону, который в конце XIX в. представлял собой динамично развивающийся город. Четвертая тетрадь начинается с попыток Волькенштейна найти себе дело в Берлине в 1922 г. и быстро обрывается. Эмиграция не вошла в число тех периодов жизни, которые вызвали у него интерес. Привычные опоры и жизненные смыслы остались в доэмигрантском прошлом. Волькенштейн порой обращает свое повествование к детям и внукам, одновременно сокрушаясь, что те уже слабо владеют русским языком и, вероятно, не смогут прочесть его воспоминания в подлиннике. Работа над воспоминаниями становится своего рода

терапией — способом справиться с чувством бессилия и бесполезности жизни, которое он испытывает в эмиграции. Погружаясь в прошлое, автор вновь нащупывает утраченные ориентиры, восстанавливая в памяти уже частично стертые временем события, даты и имена из более чем тридцатипятилетней адвокатской практики.

«Милая провинция» в воспоминаниях
«провинциального» адвоката

Работа адвоката в губерниях и областях Российской империи вдали от столичных городов на рубеже XIX и XX вв. могла оказаться весьма перспективной. В 1864 г. была проведена реформа, направленная на создание новой судебной системы с независимыми от исполнительной власти судами и адвокатами, которых тогда называли присяжными поверенными. Однако подготовка профессиональных судей и адвокатов требовала времени. Этот процесс включал обучение на юридических факультетах университетов или в специализированных учебных заведениях. Императорское училище правоведения в Петербурге было привилегированным учебным заведением для дворян, готовившим чиновников высших правительственных учреждений. Обучение в Императорском Царскосельском лицее (с 1843 г. Александровский), также предназначенном для детей дворян, включало юридическую подготовку на основе так называемых нравственных наук (философия права, этика, право публичное и гражданское). В 1867 г. на основе офицерских классов при Аудиторском училище Военного министерства была создана Военно-юридическая академия, которая готовила юристов в военной области. В 1868 г. Ярославский Демидовский лицей по составу предметов и правам выпускников был приравнен к юридическому факультету университета. Получив диплом о юридическом образовании, молодые специалисты в течение ряда лет проходили практику в статусе рядовых членов суда и помощников присяжных поверенных. В столицах конкуренция была выше. Например, в округе Санкт-Петербургской судебной палаты в 1887 г. работали 268 присяжных поверенных и 234 помощника⁵. В округе Московской судебной

⁵ Подсчитано на основе списка присяжных поверенных и их помощников в округе Санкт-Петербургской судебной палаты: *Англин А.* Первая столичная справочная книга, 1886 — июнь — 1887. СПб., 1886. С. 95–103. Округ Санкт-Петербургской судебной палаты

палаты в 1888 г. работали 331 присяжный поверенный и 182 помощника⁶. А в округе Харьковской судебной палаты, к которой относился Ростов-на-Дону, в 1887 г. присяжных поверенных и их помощников насчитывалось всего 228 человек⁷. Из них в самом Ростове проживало 6 присяжных поверенных и 6 помощников, в том числе Волькенштейн. При этом работы для адвоката в Ростове-на-Дону, или «русском Чикаго», как называли этот быстро развивавшийся торговый город, и на близлежащей территории было много.

В результате Русско-турецкой войны, по Бухарестскому договору 1812 г., земли между Прутом и Днестром (Бессарабия) перешли от Османской империи к Российской империи. Так завершился долгий и кровопролитный процесс завоевания земель Северного Причерноморья и Приазовья. Бессарабская область была присоединена к Новороссийскому краю, в состав которого в начале XIX в. также входили Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. На этой обширной территории располагались четыре градоначальства: Одесское, Таганрогское, Феодосийское и Керч-Еникальское. Восточная часть этих земель была раньше втянута в торгово-денежные отношения Российской империи и уже с конца XVIII в. занимала важное место в экономике страны. Присоединенные в начале XIX в. территории западной части края были богаты минеральными ископаемыми. Важные в экономическом плане портовые города, среди которых ведущую роль долгое время играла Одесса, образовали целую сеть по линии северного побережья Черного и Азовского морей⁸. В 1887 г. Ростов-на-Дону и Таганрог

включал тогда 6 окружных судов: Санкт-Петербургский, Новгородский, Череповецкий, Псковский, Великолуцкий и Витебский.

⁶ См.: Отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1888–1889 год. М., 1890. С. I, II. Округ Московской судебной палаты включал тогда 15 окружных судов: Московский, Владимирский, Калужский, Нижегородский, Рязанский, Тверской, Кашинский, Ржевский, Тульский, Ярославский, Рыбинский, Смоленский, Костромской, Вологодский и Елецкий.

⁷ См.: Отчет Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887 г. с 15 апреля 1886 года по 15 апреля 1887 года. Харьков, 1887. С. 19, 20. Округ Харьковской судебной палаты включал тогда 11 окружных судов: Харьковский, Изюмский, Курский, Орловский, Таганрогский, Воронежский, Острожский, Полтавский, Лубенский, Новочеркасский и Усть-Медведицкий.

⁸ Подробнее о развитии торговли и промышленности Новороссийского края и связанных с экономическими вопросами проблемах ассимиляторской политики и введения бюрократического аппарата и системы управления по образцу внутренних губерний

с окрестными землями были выведены из состава Екатеринославской губернии и включены в состав области Войска Донского, но сохранили свою экономическую связь с Новороссийским краем.

Ироничные самоопределения «провинциал» и «провинциальный адвокат» не раз звучат в повествовании Волькенштейна. Читатель вспоминает знакомые образы из русской литературы XIX в.: стремящиеся прочь от провинциальной жизни «в Москву, в Москву» сестры Прозоровы из «Трех сестер» Чехова, со страхом ожидающее проверку из Петербурга провинциальное местное начальство из «Ревизора» Гоголя и другие. Антрополог Энн Лоунсбери отмечает, что эти образы воплотили символическое представление о географическом пространстве Российской империи через противопоставление столиц, Москвы и Петербурга, и находящейся за их пределами «отсталой», «нерасторопной», «невежественной» и «захолустной» «провинции»⁹. Эти образы — свидетельство столичноцентричной картины имперского мира, в соответствии с которой «цивилизация», «прогресс» и «высокая культура» сосредотачиваются в столицах, то есть в «центре» или «сердце» страны. В Российской империи в XIX в., как показал Леонид Горизонтов, таким «центром», обладающим особой значимостью по сравнению с любым другим местом, постепенно стала восприниматься Москва¹⁰. Впрочем, в литературных контекстах и в реальном восприятии «провинциалов» XIX в. обе столицы, Москва и Петербург, несмотря на различия и соперничество, играли одновременно роль идеала, к которому «провинция» стремилась, и предмета зависти, вызывавшего неприязнь.

Л.Ф. Волькенштейн с шутиливой откровенностью признается в ощущении собственной «провинциальности» в общении с петербургскими коллегами и бывшими сокурсниками. Он видит ее в поступках, нарушающих установленный символический порядок взаимодействия

Российской империи на территории края см.: Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов н/Д, 1966; Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М., 2008; Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века. СПб., 2014.

⁹ См.: Lounsbury A. Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca; London, 2019.

¹⁰ См.: Gorizontov L. The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 67–93.

внутри сословно-властной иерархии империи Романовых: в спонтанной телеграмме с поздравлением царской четы от ростовских адвокатов по случаю юбилея бракосочетания или в прошении о приеме в неприсутственный день, направленном в обход протокола министру внутренних дел В.К. Плеве. Участие столичных адвокатов в процессах Харьковской судебной палаты вызывало у местных защитников ощущение профессиональной недооцененности и второстепенности и одновременно служило поводом убедиться в собственной состоятельности при промахах столичных авторитетов.

Вместе с тем «провинция» в воспоминаниях Л.Ф. Волькенштейна — это и реальная действительность. Упоминания им своих поездок и средств передвижения дают представление о протяженности территорий и степени обустроенности путей сообщения: 300–400 верст на лошадях по Ставропольской губернии и в «дальние донские станицы», долгий утомительный путь в Петербург на поезде с двумя пересадками, идущий полтора часа поезд из Ростова в Таганрог и, в редких случаях, — «изумительные» поездки с приятелем на автомобиле в Бердянск.

Территории области Войска Донского, Кубанской и Терской областей, а также Харьковской, Екатеринославской и Ставропольской губерний на рубеже XIX–XX вв. характеризовались многообразным этнорелигиозным составом. Здесь жили казаки, евреи, армяне, греки, украинцы, русские, калмыки, поляки, латыши, эстонцы, турки, персы и другие. Это разнообразие находит отражение в сценах и диалогах, которые Волькенштейн воспроизводит с подчеркнутой выразительностью, стараясь передать особенности языка и манеру речи. Разумеется, точность передачи речи оценить невозможно. Некоторые характеристики «провинциалов», приводимые Волькенштейном, звучат пренебрежительно: «типичные дряньюкокет», «глупенькие мещаночки», провинциальные околоточные «скверного пошиба», «малоумные» следователи и «недалекие» члены суда. Эти оценки — не только отражение типичных образов из литературы. Они передают и субъективный опыт автора воспоминаний, а также его представление о своей роли. Высшее юридическое образование он получил в Петербурге в контексте изменения судебной системы после реформы 1864 г. Сквозными темами его повествования становятся идеи необходимости продолжать движение, начатое в 1864 г., в сторону модернизации дореформенных судебных учреждений, развития правовой культуры и утверждения верховенства закона

в регионах, где он работал. Неприятие дореформенных судебных практик, уважение к принципам судебной реформы 1864 г., критика полицейского произвола и восстановления административного контроля над отдельными судебными учреждениями в позднеимперский период являются важными темами исторических очерков и мемуаров других деятелей адвокатуры Российской империи¹¹.

В воспоминаниях Л. Ф. Волькенштейна важное и болезненное место занимают темы самоидентификации, связанные с его еврейским происхождением, процессом русификации и ограничениями в правах.

Территории Западных губерний, язык и вероисповедание:
проблема идентичности «русского еврея» Л. Ф. Волькенштейна

Ицко Лейб Волькенштейн родился в 1857 г. в Бердичеве (ныне Житомирская область, Украина) в семье еврейского купца 3-й гильдии Говшие Фалика Хаимовича Волькенштейна (ок. 1815 — 1862) и его второй жены Леи Мошковой, урожденной Блауштайн¹². Отец выучил русский язык и позаботился о том, чтобы сыновья также владели им. Место и время рождения определили сложность культурной и неоднозначность национальной принадлежности автора воспоминаний. Хорошо овладев русским языком и почти полностью утратив знание идиша, он испытал сильное влияние русской литературной традиции, но сохранил иудейское вероисповедание и поддерживал тесную связь с еврейской общиной.

Во второй половине XIX в. язык, наряду с вероисповеданием и слововой принадлежностью, стал ключевым критерием идентификации

¹¹ См.: Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. С. В. Куликова. М.: Новое литературное обозрение, 2023; Васильковский Е. В. Организация адвокатуры: историко-догматическое исследование. СПб.: Н. К. Мартынова, 1893; Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики). М.: Бартолиус; Статут, 2015; Он же. Очерки об адвокатуре. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902; Гессен И. В. История русской адвокатуры. 1864–20/XI — 1914. Т. 1–3. М.: Совет присяжных поверенных, 1914–1916; Гершун Б. Л. Воспоминания русского адвоката / Сост., общая редакция и вступ. статья О. В. Будницкого; подгот. текста и коммент. Т. Л. Ворониной. М.: Статут, 2023.

¹² Ревизская сказка Киевской губернии уездного города Бердичева о состоящих мужского и женского пола купцах от 31 мая 1858 г. // Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. 280. Оп. 2. Д. 1193. Л. 47–48.

в империи Романовых. Русский язык превратился в основной инструмент административных, судебных и образовательных учреждений. Владение им открывало путь к социальному продвижению, а для получения государственных должностей было обязательным. В отношении еврейских подданных центральная власть империи реализовывала собственную программу их «просвещения» и культурной трансформации. Это осуществлялось путем борьбы с еврейскими традициями, религиозностью и талмудическим образованием, в том числе посредством обучения еврейской молодежи в общеимперских заведениях, где преподавание велось на русском языке¹³. В зависимости от полученного образования дискриминационные ограничения частично или полностью снимались, и обрусевшие евреи интегрировались в сословную структуру империи. Так, в 1859 г. обучение в государственных учебных заведениях империи стало обязательным для детей евреев-купцов и почетных граждан¹⁴. В 1861 г. были частично отменены ограничения, установленные в 1835 г. Евреи с учеными степенями (кандидата, магистра и доктора наук) получили право поступать на государственную службу и селиться за пределами черты оседлости для занятия торговлей и промышленностью¹⁵. Это увеличивало привлекательность

¹³ Научная литература о «еврейском вопросе» в Российской империи обширна. См. подробнее, например: *Klier J.D. Russia Gathers her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia, 1772–1825.* DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1986; *Idem. Imperial Russia's Jewish Question 1855–1881.* Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995; *Nathans B. Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.* Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2002; *Miller A. The Romanov Empire and Nationalism.* Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2008. P. 98–118; *Локишин А.Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // Вопросы истории.* 2012. № 7. С. 77–85. Подробнее о доступе евреев к образованию во второй половине XIX в. см.: *Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования.* М., 2007. С. 31–58.

¹⁴ См.: Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве евреев, объявленное Сенату министром юстиции, «О правилах для обучения детей евреев» от 4 мая 1859 г. // Сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649 — 1873 г. Извлечение из Полных Собраний Законов Российской империи / Сост. В.О. Леванда. СПб., 1874. С. 916–917. Обучение в государственных еврейских училищах дозволялось при отсутствии общих учебных заведений.

¹⁵ См.: Высочайше утвержденное Положение о евреях от 13 апреля 1835 г. и Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 ноября 1861 г. // Сборник

высшего образования для еврейских подданных империи. Либеральные реформы университетов (1863) и гимназий (1864) провозгласили принципы всеобщности и демократизации (снижение материального ценза) образования. В 1870-е гг. гимназии и университеты Российской империи выпустили значительное число евреев, которые осознавали себя «русскими евреями»¹⁶. Получив образование в русской гимназии в Таганроге в 1870-е гг. и в Петербургском университете в начале 1880-х гг., Л. Ф. Волькенштейн принадлежал к этому поколению. В своих воспоминаниях он с восхищением пишет о русской литературе, а степень владения литературным русским языком является для него важным штрихом к портрету человека. Описывая жителей тех областей и губерний, где проходила его адвокатская практика, он неизменно обращает внимание на то, говорит ли человек по-русски грамотно, «адски» (плохо), на диалекте или вовсе не владеет русским языком.

Для жителей территорий, к которым относился Бердичев, владение русским языком приобрело особое значение в связи с политизацией вопросов национальной идентичности и языка. Город находился в юго-западной части территорий, присоединенных к Российской империи по итогам трех разделов Речи Посполитой и Тильзитского мира 1807 г. Образованные из них губернии Западного края характеризовались этнокультурным и религиозным многообразием. Сам Бердичев вошел в состав Российской империи после второго раздела Речи Посполитой в январе 1793 г. В 1844 г. он был включен в состав Киевской губернии. Сначала управление новоприсоединенными территориями осуществлялось с опорой на местную элиту¹⁷. В губерниях Западного края сохранялись культурное влияние польского дворянства и тесные экономические связи с польскими купцами. Бердичев располагался на торговом пути из Западной Европы в Россию. Вспоминая свои

законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874. С. 359–376, 972–973. Положение 1835 г. позволяло поступать на гражданскую службу только евреям с научной степенью доктора, только если их «отличные способности» будут подтверждены министром просвещения и, наконец, только с «высочайшего разрешения».

¹⁶ См.: Натанс Б. За чертой: евреи, русские, «еврейский вопрос» в Петербурге (1855–1880) // Вестник еврейского университета. М.; Иерусалим, 1994. № 2 (6). С. 18.

¹⁷ См.: Kappeler A. La Russie: Empire multiethnique / Trad. de l'allemand G. Imart. Paris, 1994. P. 82; Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007. С. 81–123.

поездки по Подольской, Волынской и Киевской губерниям в поисках лошадей для Русской армии в 1812–1813 гг., граф Е.Ф. Комаровский писал о «славной бердичевской ярмарке», куда поляки приезжали «из всех губерний, принадлежавших прежде Польше»¹⁸. Евреи составляли большинство жителей города. Для ведения торговой документации им сначала был оставлен выбор между русским, польским и немецким языками, понятными для представителей бюрократии империи Романовых, проверявших документацию¹⁹. Польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. за независимость и возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. изменили ситуацию. Инсургенты, выходцы из польской шляхты, были казнены, отправлены на каторгу или в ссылку. Владения польских помещиков были конфискованы или обложены повышенным налогом. Языковая политика стала частью борьбы между «польскостью» и «русскостью». В противовес польской элите, использовавшей и распространявшей латиницу для передачи польской, украинской и белорусской речи, представители власти и чиновники империи Романовых в столицах и на местах, а также публицисты-славянофилы формулировали и продвигали проекты распространения кириллицы и русского языка, постепенно оформившиеся в ассимиляторский план объединения всех восточных славян империи в рамках «общерусской нации»²⁰. Языковая идентификация жителей губерний Западного края (вместе с вероисповеданием, поскольку на этих территориях были сильны униатская и иудейская религиозные традиции)

¹⁸ Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 214. Имеется в виду Речь Посполитая.

¹⁹ См.: Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 32.

²⁰ Подробнее о вопросах регламентирования польского, литовского, украинского, белорусского и русского языков в губерниях Западного края в контексте эволюции языковой политики империи Романовых на этих территориях во второй половине XIX в. и с учетом внешнеполитических событий и разных мотиваций чиновников и деятелей церкви, образования и культуры см., например: Kappeler A. Op. cit. P. 214–225; Weeks T.R. Russification: Word and Practice 1863–1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 148. № 4. 2004. P. 471–489; Miller A. Identité et allégeance sans la politique linguistique de l'Empire russe dans les territoires périphériques occidentaux au cours de la seconde moitié du XIXe siècle // Cacophonies d'empire: Le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union soviétique. Paris, 2010. P. 37–59; Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. P. 309–368.

стала вопросом политической благонадежности и лояльности по отношению к империи Романовых.

В середине 1850-х гг. Бердичев по своей торговой деятельности занимал одно из первых мест в Киевской губернии, но из-за политических потрясений купцы переселялись в другие города. Торговые пути менялись. Этому способствовало развитие других торговых городов и путей, в частности на территориях Северного Причерноморья и Приазовья, где находился Ростов-на-Дону. Для евреев польские восстания имели отрицательные последствия в отсроченной перспективе. В 1830–1831 гг. некоторые администраторы Западных губерний отметили отсутствие симпатий среди евреев к мятежникам²¹. В 1862 г. евреям-купцам 1-й и 2-й гильдий было даже разрешено приобретать в собственность земли в Западном крае в местах, где они имели право селиться (черта оседлости)²². Однако во время восстания 1863–1864 гг. распространились слухи о польско-еврейском заговоре. Было принято решение усилить «русский элемент» среди землевладельцев в Западном крае, и в марте 1864 г. евреям вновь запретили приобретать там земли²³.

Около 1863 г. Иосиф, старший сын бердичевского купца Говшие Фалика Хаимовича Волькенштейна от первого брака, обосновался в Ростове-на-Дону. Он также был деятельным участником ростовской еврейской общины и избирался ее старостой. Из воспоминаний Л. Ф. Волькенштейна видно, что община имела влияние на горожан еврейского происхождения, особенно на социальную сферу. Не все евреи были прихожанами синагог, но все делали взносы и пожертвования. Община выполняла функцию института взаимопомощи. Современник Л. Ф. Волькенштейна, историк и политик еврейского происхождения С. М. Дубнов, писал, что еврейская молодежь, получившая образование в 1860–1870-е гг., рвала связи «со старым» острее, чем русская, потому что «дело шло о разрушении и религиозной, и национальной связи с народом»²⁴.

²¹ Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. P. 104–105.

²² См.: Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве евреев от 26 апреля 1862 г. // Сборник законов и положений, касающихся евреев. С. 980–981.

²³ См.: Высочайше утвержденное Положение о льготах, преимуществах и денежных ссудах, предоставляемых при покупке казенных и частных имений в Западных губерниях, от 5 марта 1864 г. // Сборник законов и положений, касающихся евреев. С. 1013–1014.

²⁴ Дубнов С. М. Книга жизни. СПб., 1998. С. 68.

У Л.Ф. Волькенштейна нет указаний на то, что он был активным прихожанином синагоги. Его участие в жизни общины выражалось в финансовой поддержке. Вместе с тем он проявляет уважение к еврейской традиции и положительно высказывается о талмудистах, признавая, таким образом, ценность владения древним сакральным знанием. Ассимилировавшийся во внешности, мировоззрении и языке с русской культурой Л.Ф. Волькенштейн сохранил иудейское вероисповедание²⁵. Он представляет собой переходную фигуру на пути постепенного отхода от иудаизма через русификацию, при сохраняющихся связи с еврейской общиной и чувстве причастности к еврейским традициям. Для его детей эта связь была в основном утеряна. Семейное предание не является абсолютно достоверным источником. Тем не менее имеет смысл упомянуть воспоминания представителей парижской ветви Волькенштейнов о том, что Л.Ф. Волькенштейн не приветствовал переход своих детей в православие. Его сын Юрий и дочь Евгения сделали это для вступления в брак с представителями греческих православных семей. Дочь Алиса приняла православие, вступив в брак с человеком еврейского происхождения, который ранее перешел в православие для вступления в брак с армянкой.

На этом фоне неожиданной выглядит критика Волькенштейна в отношении роли русских евреев во многих сферах деятельности. Он категорично заявляет: «Считаю, что русские евреи — народ малоспособный <...>». После этого следует перечень деятелей еврейского происхождения в юриспруденции, живописи, музыке, литературе, скульптуре, промышленности, торговле и медицине. Волькенштейн пренебрежительно называет их «компиляторами», «вторым сортом», «посредственными деятелями» и «нелепыми анекдотистами», отказывая им в значимости и обесценивая в сравнении с «христианами», которые, как он пишет, имели большие творческие способности. Эти рассуждения производят странное впечатление. Некоторые названные Волькенштейном лица хорошо известны как талантливые творческие деятели. Он также не называет целый ряд евреев, проявивших себя в указанных им областях, и забывает, что существовала литература на идише и иврите,

²⁵ См.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 151. Оп. 2. Д. 14. Л. 2. Список присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных Ростовского окружного суда. 12 декабря 1914 г.

в которой ярко проявили себя российские евреи, или, например, что были замечательные певцы-канторы в синагогах.

Отказ Волькенштейна признавать ценность еврейской культуры показывает, как он, представитель дискриминированного меньшинства, подсознательно стремится ассимилироваться с доминирующей русской культурой. Это выражается и в окончательном принятии им русифицированного имени как основного, одновременно подчиняясь логике администрации Российской империи, использовавшей русский как основной. Его еврейское имя записано в списке членов семьи его отца, Г.Ф.Х. Волькенштейна, в ревизской сказке купцов-евреев Бердичева от 10 июня 1858 г.²⁶ В документах 1880-х гг. фигурирует двойное имя, Исаак-Лев, без русифицированного отчества²⁷. В 1890-е гг. двойное имя встречается, но основным становится вариант «Лев Филиппович», который Л.Ф. Волькенштейн использует в личной подписи и на личном бланке для писем, отпечатанном в типографии²⁸. Безапелляционная критика Волькенштейном общественной, экономической и творческой роли евреев выглядит как попытка дистанцироваться от еврейской этнокультурной среды, отражая внутренний конфликт между исходной этнорелигиозной принадлежностью и воспринятой идентичностью. Он противопоставляет евреев и русских, а точнее — иудеев и христиан, перенимая высокомерные, предвзятые и мифологизированные представления о евреях. Законодатели и чиновники империи Романовых определяли евреев прежде всего как нехристианскую религиозную группу. Иудаизм представлялся как совокупность непонятных, смешных и опасных обрядов, негативно влиявших на человека и на еврейский народ в целом. Эти представления широко распространялись через русскую литературу и публицистику славянофилов²⁹. Евреям

²⁶ ГАКО. Ф. 280. Оп. 2. Д. 1193. Л. 47.

²⁷ См., например, аттестат об окончании Петербургского университета в 1883 г.; рукописное представление А.В. Самуильсона в Совет присяжных поверенных Харьковской судебной палаты о зачислении Волькенштейна помощником от 27 октября 1883 г.; резолюцию Совета по этому вопросу от 11 мая 1884 г. (ГАРО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216). См. также: Отчет Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887 г. с 15 апреля 1886 года по 15 апреля 1887 года. Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1887. С. 44 (список помощников присяжных поверенных в Ростове-на-Дону).

²⁸ См. примеры в: ГАРО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216.

²⁹ См.: Гольдин С. Евреи как понятие в истории имперской России // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 356–364.

приписывали плутовство, обособленность и презрение к другим народам, прежде всего к христианам или к русским, а также стремление их эксплуатировать, что подразумевает обвинения в нечестном использовании плодов чужого труда и нежелании или неспособности к самостоятельному созидательному труду. Это обосновывалось религиозным фанатизмом и результатом неправильного образования на основе изучения Талмуда и служило основанием для ограничения в правах, что Л. Ф. Волькенштейн, сохранивший иудейское вероисповедание, испытал на себе.

Еврейство, адвокатура и права

Осенью 1883 г., когда Лев Волькенштейн поселился в Ростове-на-Дону, его старший брат Иосиф уже имел там большое влияние в торговле, банковском деле и городском управлении, будучи избран гласным Ростовской городской думы³⁰. Из воспоминаний видно, что положение старшего брата помогало молодому выпускнику Петербургского университета в отношениях с некоторыми видными представителями купеческой и промышленной среды. Это имело большое значение, поскольку начало его адвокатской карьеры в середине 1880-х гг. совпало с ужесточением политики в отношении евреев. Из-за негласных ограничений на продвижение евреев по государственной службе Л. Ф. Волькенштейн отказался от идеи служить в Таганрогском окружном суде и занялся частной адвокатской практикой. Однако и в этой сфере ограничения не заставили себя ждать. Запреты на занятие должностей в суде и прокуратуре подталкивали евреев с юридическим образованием идти в адвокатуру. В 1889 г. было издано распоряжение, согласно которому лица нехристианского вероисповедания могли зачисляться в адвокатуру только с разрешения министра юстиции. По воспоминаниям И. В. Гессена, эту меру поддерживали некоторые адвокаты-христиане³¹. Были и такие, кто выступал за полный запрет на допуск евреев в адвокатуру, включая и тех, кто принял христианство. Они ссылались на суеверные утверждения о том, что по учению Талмуда зло, причиненное христианину, не считается

³⁰ Выборы гласных по второму разряду избирателей // Донская пчела. 1883. № 70. 18 сент.; Алфавитный список гласных ростовской думы состава 1883–1887 г. // Донская пчела. 1884. № 6. 26 янв.

³¹ Гессен И. В. История русской адвокатуры. 1864–20/XI — 1914. М., 1914. Т. 1. С. 280.

грехом, а потому евреи якобы не способны добросовестно защищать интересы своих доверителей³². Образованная в 1894 г. правительственная комиссия под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева долго обсуждала вопрос, балансируя между двумя позициями: принципы реформы 1864 г. считались гарантией правосудия, но независимость юстиции от правительственного контроля казалась несовместимой с самодержавием³³. Закон о процентной норме на прием евреев в адвокатуру не был принят, но негласные ограничения действовали. Присяжные поверенные продолжали записывать евреев в помощники. Проработав пять лет помощником, человек имел право на включение в сословие присяжных поверенных, то есть на статус полноправного адвоката. Однако помощник, сохранивший иудейское вероисповедание, под разными предлогами не зачислялся в сословие присяжных поверенных. Невключение в сословие не всегда было вопросом финансового достатка. Волькенштейн проработал в статусе помощника около двадцати лет и был, по собственному признанию, финансово благополучен, в том числе благодаря принадлежности его старшего брата к торговой и финансовой элите Ростова-на-Дону. Однако статус помощника означал уязвимость профессионального положения, ставя человека в зависимость от патрона.

По собственному признанию Волькенштейна, отношения у него с первым патроном, адвокатом А.В. Самуильсоном, не ладились. Он не вдается в подробности, но в его личном деле в архиве Новочеркасской судебной палаты сохранились документы на этот счет³⁴. Пятилетний стаж Волькенштейна в статусе помощника заканчивался осенью 1888 г. Незадолго до этого в «Судебной газете», издававшейся в Петербурге, появилась большая статья о его адвокатской работе в Ростове-на-Дону. Автор, подписавшийся Х.З., писал, между прочим, что Волькенштейна зачислили в помощники, не собирая никаких справок: «приняли по одной частной рекомендации» (намек на протекцию старшего брата?). Главной темой было поведение «благодарного

³² См.: Кузнецов А. «Проклятый вопрос» российской адвокатуры: Кому мешали адвокаты-евреи? // Адвокатская газета. 2019. 17 июля. (<https://www.advgazeta.ru/mneniya/proklyaty-vopros-rossiyskoj-advokatury/>) (дата обращения: 25.04.2025).

³³ См.: Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 9–28.

³⁴ См.: ГАРО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216.

помощника» (терминология автора статьи) в отношении своего патрона Самуильсона, «старейшего и наиболее уважаемого члена местной адвокатуры». Суть дела была в следующем. У клиента А.В. Самуильсона, горожанина турецкого происхождения, разграбили гостиницу в Ростове-на-Дону. Владелец хотел предъявить гражданский иск, но его ходатайство было на турецком языке. Судебная палата отказала. По словам автора статьи в «Судебной газете», Волькенштейн был на заседании в числе защитников (неясно, кого) и пустил в ход все ресурсы, «чтобы разделить в лоск своего патрона», в частности, обвинив его «в незнании самых элементарных начал процесса» (прошение должно было быть переведено на русский). Автор статьи вскользь упоминал еще два дела, не сообщая детали и приписывая Волькенштейну выпады против коллег и критику их за незнание законов и обстоятельств дела. Таким образом, речь шла не о профессионализме Волькенштейна. Идея состязательного судебного процесса подразумевает взаимную критику адвокатов. Автор статьи представлял проблему с точки зрения нарушения иерархии в отношениях «помощник — патрон». Эмоционально вопрошая, «каково все это (упреки в некомпетентности. — Н.П.) слушать присяжному поверенному, практикующему около 18 лет, от юного помощника», он недвусмысленно заявлял, что «означенные действия [Волькенштейна] могут нехорошо отозваться на нем при зачислении его в присяжные поверенные». Письменных документов об отказе включить Волькенштейна в сословие присяжных поверенных в 1888 г. не найдено. В воспоминаниях он кратко объясняет отказ запретом зачислять иудеев в сословие. Через пять лет, в 1892 г., А.В. Самуильсон сам обратился в Совет присяжных поверенных Харьковской судебной палаты, сообщая об отказе считать Волькенштейна своим помощником. В качестве обоснования он привел пару случаев, когда Волькенштейн, будучи поверенным Ростовской городской управы, т.е. обязанным защищать ее интересы, выступал в суде на стороне ответчиков, против которых эта управа подавала иски. После отказа Самуильсона один из коллег Волькенштейна, А.П. Петров, записал его своим помощником³⁵, что позволило ему сохранить право заниматься адвокатурой.

³⁵ ГАРО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216. Резолюция Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты о зачислении Л.Ф. Волькенштейна помощником А.П. Петрова. 1 декабря 1893 г.

В феврале 1905 г., на волне политической либерализации, вызванной революционными событиями, Волькенштейн вместе с И.Д. Гутерманом и А.Л. Черниковым, столь же долго находившимися в статусе помощников из-за иудейского вероисповедания, наконец были приняты в сословие присяжных поверенных³⁶.

В полном объеме гражданские права евреи Российской империи получили лишь 20 марта 1917 г., когда Временное правительство отменило все ограничения в правах по принципу вероисповедания и национальной принадлежности. Дискуссия, в которую Л.Ф. Волькенштейн оказался вовлечен в этом контексте, дает дополнительный материал для анализа конфликта еврейства и русскости в его жизни. Отмена ограничений Временным правительством сняла среди прочего запрет на избрание евреев в органы городского самоуправления, установленный Городовым положением 1892 г. В июне 1917 г. в ростовском отделении Конституционно-демократической партии, членом которой был Волькенштейн, шла дискуссия о выборах по партийным спискам в городскую думу Ростова-на-Дону³⁷. Ростовские кадеты обсуждали идею создания блока с Объединенным комитетом еврейских общественных организаций кадетского толка. В ходе дебатов Л.Ф. Волькенштейн говорил о том, что не понимает, о «каких еврейских организациях» идет речь, и причину этих разграничений: «Разве мы не полноправные теперь граждане?! Разве нужны теперь какие-то разграничения? Разве 400 т[ысяч] еврейских солдат не сражаются рядом с русскими солдатами?! Пусть в списке партии будут все христиане, и мы будем голосовать за них, потому что мы верим, что эта партия всегда шла вместе с нами и за нас. Лейбы и Иваны теперь равны <...>»³⁸. В этой речи звучат идеи, характерные для группы адвокатов, общественных

³⁶ ГАРО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 236. Коллективное заявление двадцати присяжных поверенных в Совет присяжных поверенных округа Новочеркасской судебной палаты с просьбой зачислить их коллег иудейского вероисповедания, помощников Л.Ф. Волькенштейна, И.Д. Гутермана и А.Л. Черникова, в сословие присяжных поверенных.

³⁷ См.: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 81. Дискуссия в собрании членов партии кадетов в зале Ростовской городской думы 25 июня 1917 г. была изложена в статье «В партии народной свободы» (Приазовский край. 1917. № 154. 27 июня).

³⁸ В партии народной свободы.

и политических деятелей, осознававших себя русскими евреями, которые, как отметила Дзовинар Кевонян, возможно, даже сохраняли верность иудаизму, но отказывались от общинной организации и от сионизма, видя решение еврейского вопроса в России в возможности свободной интеграции в общество на основе равенства и устранения дискриминации для всех граждан³⁹.

Условия эмиграции, в которых Л.Ф. Волькенштейн писал свои воспоминания, и время их создания — конец 1920-х гг., когда происходила консолидация советской политической системы и усиливалась личная власть Сталина, могут служить дополнительным объяснением неожиданно резкой критики Волькенштейна в адрес евреев, сопровождаемой печальным комментарием: «...теперь евреям дали свободу в бывшей России». В этих словах звучит отголосок темы участия евреев в революции, особенно в рядах большевиков, активно обсуждавшейся русскими евреями в эмиграции в неразрывной связи с темами ответственности или вины⁴⁰. Его негативное отношение усиливалось осознанием того, что весной 1917 г. Временное правительство наконец отменило все ограничения и предоставило евреям долгожданную полную гражданскую и политическую свободу — ту самую полноту прав, о которой мечтал Л.Ф. Волькенштейн, но которой ему так и не довелось воспользоваться.

Подготовка текста рукописи к печати

Рукопись воспоминаний состоит из четырех тетрадей. Первая включает около 205 листов, вторая — 282 листа, третья — 358 листов, четвертая — 21 лист. В публикации воспоминаний каждой тетради соответствует отдельная часть. Устаревшие или искаженные написания существительных и однокоренных прилагательных и глаголов, а также имена и топонимы представлены с использованием современной

³⁹ *Kévonian D.* Les juristes juifs russes en France et l'action internationale dans les années vingt // *Archives Juives*. 2001. Vol. 34. № 2. P. 79–80.

⁴⁰ См., например, сборник «Россия и евреи: сборник первый», изданный Общественным объединением русских евреев за границей» (Берлин: Основа, 1924; переиздание: Paris: YMCA-Press, 1978), со статьями И.М. Бикермана, Г.А. Ландау, И.О. Левина, Д.О. Линского, В.С. Мандела и Д.С. Пасманика о проблемах национального самосознания русских евреев, о «консервативных и разрушительных элементах в еврействе», о восприятии евреями в России революционных идей и о роли евреев в революции.

орфографии, в частности: адрес (авторская орфография) — адрес (в публикации), безсиле — бессиле, биллиард — бильярд, возжи — вожжи, галлерей — галерея, гостинница — гостиница, джентельмен — джентльмен, извозчик — извозчик, Колонтай (фамилия) — Колонтай, коми-вожер — коммивояжер, корридор — коридор, Ница (город) — Ницца, околочный — околочный, Оссинский (фамилия) — Осинский, поддонки — подонки, прикащик — приказчик, проект — проект, расовая — расовая, Рысы (фамилия) — Рысы, Толстова (фамилия писателя Л.Н. Толстого) — Толстого, циркульник — циркульник, шуллер — шулер, эксплуатация — эксплуатация, Эмануил (имя) — Эммануил, Эссентуки (город) — Эссентуки, эффект — эффект.

В транскрипции сохранены авторские формулировки прямой речи, авторское написание имен: Соничка, Женичка, Ильюша и ряда других, а также союзное слово «али» (или) и предлог «пред» (перед), которые характерны для манеры письма Л. Ф. Волькенштейна.

Благодарности

Много людей способствовали тому, что публикация воспоминаний Л. Ф. Волькенштейна стала реальностью.

Дети, внуки и правнуки сохранили рукописные тетради воспоминаний. Врач Пьер Волькенштейн, правнук Л. Ф. Волькенштейна, однажды решил заглянуть в магазин русских книг в Париже Les Éditeurs Réunis в поисках кого-то, кто мог бы их прочесть. По воле случая в тот момент я находилась там же, и мне повезло познакомиться с этим историческим документом и открыть через него огромный пласт истории. В ней личные и семейные достижения и трагедии тесно связаны с глобальными, национальными и локальными событиями, политическими и идеологическими факторами, войнами и вооруженными конфликтами.

Пьер Волькенштейн горячо поддержал идею публикации воспоминаний своего прадеда. Его участие не ограничилось лишь одобрением. Мы долго обсуждали с ним историю семьи Волькенштейн, детали их родственных связей, факты, обнаруженные в архивах, а также способы отыскать недостающие сведения. Чтобы доказать документальную ценность воспоминаний Волькенштейна, было важно уточнить имена, события и факты, которые он упоминает. Несколько моих поездок в архивы в Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург и Москву позволили

продвинуться в этом направлении. Пьер Волькенштейн без тени сомнения нес расходы на получение оцифрованных копий документов, казавшихся важными для работы, но которые я не успела посмотреть.

Вероятно, следует благодарить самого Льва Волькенштейна за то, что его воспоминания привели меня в Ростов-на-Дону и познакомили с этим городом и с богатой и драматичной историей территорий юго-запада России, к которым он относится. Елена Сердюкова, историк философии из Южного федерального университета (ЮФУ), очень помогла мне в бытовом отношении и в работе в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), а также познакомила с жизнью университета. Незабываемы прогулки по Ростову с философом Екатериной Шашловой из ЮФУ и знатоком ростовской истории Виталием Заболотинным. Без них, вероятно, я никогда бы не нашла старое еврейское кладбище и разные интересные уголки, скрытые от человека, незнакомого с городом. Ключевым звеном на моем пути в Ростов-на-Дону стали Мари, урожденная Лосская, и Франсуа Авриль, в радушном доме которых я познакомилась с Еленой Сердюковой. Я искренне благодарю Анну Маркову за неоценимую помощь в уточнении библиографических данных в Российской государственной библиотеке, а также за участие в подготовке к публикации писем и телеграмм Л.Ф. Волькенштейна к А.П. Чехову. Обсуждения с Жанной Артамоновой и Анной Лавреновой в отношении поиска архивных источников, необходимых для составления примечаний, дали мне несколько ценных идей. Благодарю также за консультацию Татьяну Костину и Андрея Ашихмина из Российского государственного исторического архива.

Благодарность адресована также сотрудникам Донской государственной публичной библиотеки за консультации, за работу по оцифровке исторических справочников и прессы и за предоставление к ним открытого доступа, что позволило не раз уточнить нужную информацию, не находясь в Ростове-на-Дону. Необходимо также выразить признательность участникам форума «Всероссийское генеалогическое древо» по Ростову-на-Дону и краеведческого онлайн-ресурса «Ростовский берег» по истории Донского края. Они помогают сориентироваться в поиске документов иногда по очень частным вопросам, ответы на которые нельзя найти в архивных и библиотечных каталогах. Важно отметить работу инициативной группы под руководством Юрия Анатольевича Домбровского и архивариуса Владимира Ракши по сохранению

исторического наследия и метрических данных Ростовской еврейской общины. Маргарита Соколова, практику по сохранению архивного наследия которой мне посчастливилось курировать в центре имени Солженицына при YMCA-Press / Les Éditeurs Réunis в Париже, участвовала в поиске ряда статей в оцифрованных номерах газеты «Приазовский край». Отдельная благодарность специалисту по истории русской эмиграции Леониду Ливаку из Университета Торонто (Канада) за то, что он обратил мое внимание на оцифрованные архивные документы, касающиеся дочери Льва и Софьи Волькенштейн, Евгении, во Французском ведомстве по защите беженцев и лиц без гражданства (OFPRA). Наконец, были очень интересны и важны дискуссии с участниками семинара Жюльет Кадио по истории адвокатуры, судебной системы и права в Российской империи и СССР в Высшей школе социальных наук (Париж, Франция) и семинара по славянским исследованиям Марии Жуковой в Университете Констанца (Германия).

Я искренне благодарна редактору издательства «Новое литературное обозрение» Абраму Ильичу Рейтблату за советы по источникам при поиске сведений о ряде лиц, упомянутых в воспоминаниях, по комментированию некоторых эпизодов воспоминаний и в целом за глубоко заинтересованную редакторскую работу.

Благодарность же за неизменную безграничную поддержку от дорогих мне людей, друзей и моих родителей, Марины и Александра, я никогда не смогу выразить в полной мере.

Наталья Пашкеева

Апрель 2025 года